

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.11>

Омаров Абдулкадыр Исаевич

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ АВАРСКОГО НУЦАЛЬСТВА (ХАНСТВА) С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX В.

В статье рассматриваются особенности и специфика взаимоотношений влиятельного феодального владения Дагестана с имперской властью. Анализ политики Умахана Великого, поиска и нахождения общего языка и компромисса с крупными державами, пытавшимися установить военно-политический контроль над кавказским регионом, иллюстрирует всю сложность задачи по включению феодальных правителей и союзов сельских обществ Северного Кавказа в орбиту влияния и систему подданства Российской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(98). Ч. 2. С. 238-242. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

14. Поляков Ю. А. Население России в XX в.: в 3-х т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.
15. Рубцова М. Первые итоги детского движения // Вожатый. 1924. № 1. С. 3-5.
16. Тарханов О. Партия и юные пионеры // Вожатый. 1924. № 2. С. 1-5.
17. Ханипова И. И. Детство в экстремальных условиях голода начала 1920-х годов в Татарской АССР // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2017. С. 468-473.
18. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 4034. Оп. 1.
19. ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 5.
20. ЦГА ИПД РТ. Ф. 4034. Оп. 6.

YOUNG PIONEER LEADERS' TRAINING IN THE TATAR REPUBLIC IN 1923-1926

Mukhinova Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in History
Kazan State University of Architecture and Engineering
nmukhinova@yandex.ru

In the article, the author, basing on the analysis of the publications of the magazine "Vozhatyi" ("Young Pioneer Leader") and the archival documents of the Republic of Tatarstan, describes the general training level of Young Pioneer leaders in the Tatar Republic in 1923-1926. Owing to difficulties in understanding children's psychology, urgent national issue, insufficient provision of methodological and ideological literature, especially in children's and Young Pioneer workers' native languages, lack of adequate material support, Young Pioneer leaders' work quality was not high, and the leaders' staff was inconstant.

Key words and phrases: Young Pioneer organisation; Komsomol; Young Pioneer leader; Soviet childhood; national issue.

УДК 94(470)«18/19»:323.1

Дата поступления рукописи: 30.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-12-2.11>

В статье рассматриваются особенности и специфика взаимоотношений влиятельного феодального владения Дагестана с имперской властью. Анализ политики Умахана Великого, поиска и нахождения общего языка и компромисса с крупными державами, пытавшимися установить военно-политический контроль над кавказским регионом, иллюстрирует всю сложность задачи по включению феодальных правителей и союзов сельских обществ Северного Кавказа в орбиту влияния и систему подданства Российской империи.

Ключевые слова и фразы: нуцал; империя; подданство; политика; Кавказ; Дагестан; Россия; Иран; Турция; крепость; договор; дипломатия; администрация; хан; контроль.

Омаров Абдулкадыр Исаевич, д.и.н., доцент
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
levzerov@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АВАРСКОГО НУЦАЛЬСТВА (ХАНСТВА) С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Процесс распространения российской государственности на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века заметно активизировался. Российскому правительству приходилось иметь дело с многочисленными феодальными владениями и союзами сельских обществ, многие из которых фактически были независимы, и, соответственно, с каждым из них приходилось вести отдельные переговоры. Несмотря на то, что проблемы взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа давно находятся в поле зрения исследователей, многие аспекты и отдельные сюжеты еще далеки от ясности и определенности оценок и характеристик. В полной мере это касается истории политических контактов с Россией Аварского ханства, являвшегося в рассматриваемый период одним из самых влиятельных феодальных владений на Кавказе.

Изучение особенностей и специфики политических контактов Аварского ханства с Российской империей позволяет расширить наши представления о том, как происходил исторический процесс присоединения Дагестана к России, как укреплялась пророссийская политическая ориентация местных владетелей.

Основные задачи заключаются в характеристике общественно-политического состояния Дагестана в рассматриваемый период, анализе дипломатических контактов Аварского ханства с кавказской администрацией и процесса усиления пророссийской ориентации аварских владетелей.

В отечественной историографии накоплен определенный материал по истории русско-дагестанских взаимоотношений в XVI-XIX вв. Прежде всего, это документальный материал из таких опубликованных сборников, как «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.» [18], «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» [19], «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в.» [8], «Материалы по истории Дагестана и Чечни 1801-1839» Т. III. Ч. I. [15].

Отдельные аспекты взаимоотношений аварских ханов с кавказской администрацией встречаются в литературе, посвященной движению горцев 20-50-х гг. XIX века, обширный характер которой делает проблематичной

ее анализ в рамках данной статьи. Можно выделить работы В. Г. Гаджиева «Роль России в истории Дагестана» [5], Н. А. Смирнова «Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв.» [21], А. В. Фадеева «Россия и Кавказ в первой трети XIX в.» [22], Н. И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля» [16] и др.

В современной российской историографии также появились исследования, затрагивающие процесс распространения российской государственности на Кавказе, особенности и специфику административной политики и дипломатии. Это такие работы, как «Северный Кавказ в составе Российской империи» [20], «Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX века» [1], «Дагестан в Кавказской политике России в первой четверти XIX века» [6].

Многие вопросы российской политики на Кавказе нашли освещение в работах В. В. Дегоева «Имам Шамиль: пророк, властитель, воин» [9], «Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX в.» [12], «Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век)» [11], «История, опрокинутая в политику. Три досье “до востребования”» [10]. В них имеются интересные авторские мысли и прослеживается логика выстраивания политических взаимоотношений с кавказскими владетелями.

В то же время необходимо подчеркнуть, что во всех этих работах, по большей части, содержатся материалы, в которых дается общая характеристика взаимоотношений местных феодальных элит и имперской власти. Между тем, с нашей точки зрения, недостаточно полной и ясной представляется картина взаимоотношений имперской власти с отдельными феодальными владениями, одному из которых и уделяется внимание в настоящей статье.

В XVI-XVIII вв. территория Северо-Восточного Кавказа, в частности Дагестана, все чаще являлась объектом не только внимания, но и конкретных попыток Ирана, Турции и России закрепиться в этом регионе.

Однако, несмотря на спорадически возникавшую ситуацию принятия подданства того или иного государства дагестанскими феодальными владетелями, фактически эти территории сохраняли свою независимость.

Феодальные правители Дагестана достаточно умело и ловко пользовались противоречиями и войнами, которые возникали между «тремя китами» большой кавказской политики – Ираном, Турцией и Россией. Более того, они «забывали» на время и о своих внутренних межфеодальных спорах и вражде, объединялись, выступали совместно, иногда проявляли пассивность и нейтралитет, когда их пытались использовать в своих целях другие государства.

Особенно активно проявляли свою независимость местные феодалы, когда речь заходила о строительстве крепостей и других укреплений на их территории. Они препятствовали этим попыткам, вне зависимости от того, кто пытался укрепиться на их землях. История XVI-XVII вв. дает массу примеров того, как противились строительству крепостей на своей земле феодальные правители Дагестана, которые часто заявляли о желании принять подданство какого-либо крупного государства, но без конкретных обязательств со своей стороны.

Однако чаша международного соперничества за Кавказ медленно, но верно склонялась на сторону, которая, безусловно, не могла игнорировать вековые притязания и интересы Ирана и Турции на Кавказе, своеволие и фактическую независимость местных правителей. После Персидского похода Петра I Россия все увереннее утверждалась на западном Каспийском побережье. Наиболее активные контакты российская власть установила с Тарковским шамхальством, Эндиреевским, Аксаевским и Костековским владениями, занимавшими наиболее важные с геополитической точки зрения прикаспийские территории Дагестана.

В то же время русская военная дипломатическая служба внимательно изучала другие дагестанские и закавказские владения, налаживала с ними контакты, принимала на службу, награждала, а иногда и «наказывала» местных феодалов неоказанием военной поддержки, лишением жалованья и подарков. Одним словом, эти действия вполне укладывались в формат политики «кнута и пряника». Кроме того, российская администрация прекрасно понимала, что недостаточно контролировать только дагестанский участок международного волжско-каспийского пути, который был очень важен для других горских владетелей и обществ. Население горных районов Дагестана веками осуществляло торгово-экономические, политические и культурные контакты с жителями равнинных районов, создавая и сохраняя культурно-историческое единство Дагестана.

Значительную часть Нагорного Дагестана составляли аварские общества. Наиболее высокоорганизованной в политическом и культурном отношении представляется Аварское ханство со столицей в Хунзахе. Выгодное месторасположение в центре Нагорного Дагестана, равноудаленность от других сильных владений, климатические и географические факторы, древнейшие государственные традиции делали это владение одним из главных объектов внимания России.

В XVIII веке Аварское ханство продолжало укрепляться, достигнув пика своего могущества при правлении Умахана, прозванного «Великим» за его большие успехи во внешней политике в конце XVIII в. на Кавказе. Однако аварский владетель прекрасно понимал необходимость выстраивания отношений с Российской империей. В июне 1783 года Умахан выражает желание «душою и телом служить» России, но хочет, чтобы «ученное ими (его неприятелями. – А. О.) злодейство мне отмстить», и уточняет, что является со своими подданными «против всех тех лутчее» [19, с. 182].

Сложность взаимоотношений кавказских феодальных правителей видна по тому, как Умахан Аварский, сумевший заставить ряд закавказских владельцев платить ему дань, в то же время использует их связи с Россией. Например, кавказский генерал-губернатор П. С. Потемкин приводит факт передачи ему «почтенного письма» посредством грузинского царя Ираклия II. П. С. Потемкин в переписке с Умаханом Аварским пишет, что «приятно для меня видеть, что примиряетесь вы с царем Ираклием и тем угождаете всеавгустейшей самодержице» [Там же, с. 187].

Здесь стоит подчеркнуть, что Умахан на данном этапе русско-дагестанских политических отношений был «едва ли не самый умный, хитрый, могущественный и непредсказуемый правитель. Его ближние и дальние

соседи нуждались в нем гораздо больше, чем он в них. Примкнув к одной или другой коалиции, аварский хан мог кардинально изменить расстановку сил на Восточном Кавказе, но он не спешил этого делать» [11, с. 103].

Между тем, наместник Потемкин, учитывая недостаток на тот момент военных, финансовых и организационных ресурсов империи, вел тонкую дипломатическую игру с Умаханом, который ее поддерживал «с дипломатической изощренностью и даже неким, если угодно, шахматным блеском» [Там же, с. 105].

Главной задачей Потемкина было примирить Умахана с Ираклием II, чтобы избавить Грузию от горских военных походов, что было крайне важно на случай новой русско-турецкой войны.

В инструкции князю Уракову, отправленному к Умахану Аварскому для привлечения его в подданство, рекомендуется «заметить не только обхождение его, Умахана, но стараться точно сделать замечание со всевозможным вниманием о его характере, заметить: горд или приветлив, хвастлив или просто переменчив... сделать замечания и на двор его и на народ: дознать, кто из ближних его более к нему близок, имеет ли кто более доверенности, а об народе – в каком оный в рассуждении России расположении» [19, с. 198].

Государственное мышление и дар политического предвидения Умахана проявились и в связи с началом движения под руководством шейха Мансура в Чечне.

Аварский владетель написал шейху Мансуру письмо с выражением сочувствия его борьбе против «неверных». И одновременно Умахан сообщает в письме генерал-губернатору П. С. Потемкину, что «по возвращении ж моем из пределов турецких, хотя и просил у меня чеченского общества ших имам Мансур помощи, но... оной я ему не дал, наблюдая, чтоб прямая моя с вами дружба и расположение мое на услуги е.в. было ненарушимо» [17, д. 366, ч. 4, л. 95].

В своем сочинении Гасан-эфенди Алкадари отмечает, что когда шейх Мансур «захотел по примеру чеченского округа также и в Дагестане осуществить свои цели, то Умахан стал против него и не позволил аварскому народу слушаться его». В этом документе Умахан пишет Мансуру: «...ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, чтобы, подобно населению подчиняющихся тебе районов, и отсюда народы пошли в Крым сражаться с русскими, чтобы послужили мусульманской религии. Но сила русского государства велика. Люди, выступающие войной против них, должны в противовес той силе по меньшей мере обладать организацией, необходимой для самоуправления. Как гласит высокодостойный Коран: "...и воюйте с ними, когда это можете по силе" и т.д. Однако, у дагестанского населения вовсе нет силы и организации. Не будучи в состоянии даже себя здесь содержать, они в течение четырех-пяти дней совершают походы в Грузию с незначительными усилиями, и отторгают оттуда добычу, и поспешно возвращаются. Такого рода уловками они живут здесь. Но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели для дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником» [7, с. 132-133].

Мы видим, что аварский нуцал, так же как и другие дагестанские феодалы, не желал ввязываться в прямой военный конфликт с Россией, преследуя свои политические и экономические интересы. Можно согласиться с В. В. Дегоевым в том, что хунзахский правитель никогда и не подумал бы отдавать себя и свои военные ресурсы под начало какого-то новоявленного проповедника. Вообразить себе, чтобы потомственный аварский хан, державший в страхе и почтении добрую половину Восточного Кавказа, встал под чьи-то стяги, было невозможно. Он, скорее всего, увидел в Мансуре потенциальное орудие собственных планов, ведомого союзника, которого можно использовать прежде всего для продолжения политики шантажа и давления на Россию [11, с. 107].

Отказ дагестанцев Ушурме был известен русскому командованию. «В собрании пророка, – констатирует в 1786 г. П. С. Потемкин, – кроме чеченцев никого нет». А когда начали говорить, что и владетели Дагестана помогают Ушурме, П. С. Потемкин отмечает, что «это невероятно», и «не видно, чтобы народы к нему стекались», ибо его просьбы о помощи в Дагестане «во всех местах находят отказ» [19, с. 317].

Необходимо отметить, что, несмотря на активизацию дипломатических действий, переписку, взаимные заверения о дружбе и союзе, желании служить и т.д., фактически Северо-Восточный Кавказ не контролировался ни Ираном, ни Турцией, ни Россией, хотя усилия предпринимались немалые. Однако постепенно все большее число мусульманских правителей Дагестана обращали свои взоры в сторону России, где они видели перспективу и надежные взаимовыгодные условия сосуществования. Тем не менее, Умахан Великий в 80-е гг. XVIII века вел переговоры и с посланниками Османской империи, которые старались вовлечь его в военные походы на Кизляр, Моздок, Владикавказ с целью перекрыть Военно-грузинскую дорогу [23, с. 113]. Однако Умахан не желал втягиваться в авантюрные антироссийские проекты Османской империи и становиться орудием в руках турецких султанов. Это, правда, вовсе не означало, что Умахан, как и свойственно феодальной природе дипломатии, собирался отказываться от переговоров, подарков и финансов.

По сути дела, феодальная элита Дагестана продолжала следовать традиционной политике «лабиринтов» между Россией, Турцией и Ираном, пытаясь сохранить свою фактическую независимость, получить материальные блага, военную защиту и поддержку в межфеодальных конфликтах.

В дальнейшем Умахан Аварский, занятый военно-политическими и союзническими отношениями в Закавказье, не вступал в конфронтацию с Россией, поддерживал с ней дипломатические контакты, подкрепляемые подарками и деньгами [19, с. 208].

В период угрозы вторжения иранского Ага-Мухаммад-хана Каджара в Дагестан Умахан Аварский был фактически единственным правителем, который оказывал успешное противодействие попыткам Ага-Мухаммад-хана Каджара установить контроль над Закавказьем. Дибир-кади из Хунзаха, ученый и секретарь аварского нуцала, оставил записи о том, что уже в 1791 г. он собирается уехать «с великим правителем Умаханом,

его великим войском в страны Кызылбаш и Карабах на помощь Ибрагим-Халил-хану, правителю Карабаха, против Ага Мухаммад-хана Каджара (Ахта) с его великим войском» [3, с. 185]. Согласно памятной записи, «кадий Акуша и Умахан выступили на развратных неверующих. Они оба нанесли поражение войску неверующих, перебили из числа их много народу и разрушили крепости. Между неверующими имели место горе, тяготы и страх. Мусульмане вернулись радостными, с добычей и весельями» [2].

Несмотря на попытки Ага-Мухаммад-хана Каджара сделать хунзахского нуцала своим союзником, последний, «сколько по внушению генерала Гудовича и по полученным от него подаркам, не меньше и по родственной связи с шушийским Ибрагим-ханом, своим шурином, не пошевелился, как и прочие дагестанские владельцы» [4, с. 333].

Во время известного похода русских войск под командованием генерал-поручика графа В. А. Зубова российская императрица Екатерина II большое значение придавала соблюдению нейтралитета и мирным отношениям с Умаханом Аварским. Подобная политика проводилась и в отношении других дагестанских владельцев, «оружием неукротимых и от сотворения мира не признававших ни чьей власти». Императрица считала, что «хан аварский возмужает удерживать их, и по сей причине благорасположение и верность его весьма полезна может быть» [Там же, с. 369]. Согласно записям секретаря нуцала Дибир-кади, он трижды был в Дербенте во время его осады русскими с дипломатической миссией [3, с. 188].

Следует заметить, что аварский владетель не поддержал «Хамбутаю» Сурхай-хана Казикумухского, своего постоянного союзника, и отказался от участия в нападении на русских, считая это невыгодным для себя ввиду переговоров о подданстве, которые велись с главнокомандующим. Аварский хан писал графу Зубову, что царь Ираклий II до сих пор платил ему «ежегодно по 5000 рублей ханскими деньгами и, сверх того, отдавал пятнадцать деревень в полное его управление, а потому хан желал бы знать, будет ли он с вступлением в подданство России пользоваться теми же преимуществами, какое он получит от России награждение и в каком положении будут находиться его подданные». Главнокомандующий отвечал, что со вступлением «Омар-хана в подданство ее величества» ему назначено будет ежегодное жалованье, что дань, платимая хану грузинским царем, останется, по-прежнему, в полном его распоряжении, и, так как, служа великой императрице, хан «учинится» ему братом, то граф Зубов, «радея о его пользе, не упустит случая испросить ему особых благодеяний» [13, с. 160-161].

Во многом в этом отрывке кроется ответ на вопрос, почему Умахан Аварский, который долго и дипломатично выстраивал взаимоотношения с империей, совершил поход в Грузию, результатом которого стало неудачное для него сражение с объединенными русско-грузинскими войсками под командованием генерала Лазарева на р. Иори в 1800 году.

Представляется вполне логичным, что аварский правитель проводил политику лавирования между великими державами, стремившимися укрепиться на Кавказе. Он сохраняет независимость, соблюдает интересы своих подданных на Кавказе. Это вполне соответствует системе взаимоотношений, сложившихся в Нагорном Дагестане, и особенно в аварских районах, где даже Умахан Великий, находясь на пике своего могущества, должен был учитывать интересы других феодалов и союзов сельских обществ.

После вступления на российский престол в 1796 году Павла I политика на Кавказе изменилась. Уже весной 1796 года грузинский царь Ираклий II прекратил выплату жалования «Омар-хану Аварскому» [14, с. 75]. Ответом послужил военный поход в Грузию, в ходе которого были разорены 6 деревень, уведены в плен жители и скот.

Это вовсе не означало, что аварский нуцал поменял свои политические пристрастия. Он сохранял хорошие отношения с Россией, но принимать подданство не торопился, опасаясь потерять свою независимость и руководствуясь своими собственными соображениями и интересами Аварского ханства.

Так что поход Умахана в Грузию в 1800 году является вполне логичным и объяснимым. Это попытка заставить грузинского царя Георгия XII выполнять обязательства, принятые на себя его предшественником Ираклием II, и, соответственно, сохранить свое влияние и авторитет на Кавказе. Не будем забывать и о том, что нуцал Умахан поддерживал грузинского царевича Александра и его союзников царевичей Юлона, Вахтанга и Парнаоза, которые вместе с имеретинцами стремились захватить царский престол.

В нашу задачу не входит описание военных баталий, но все же следует заметить, что цифры потерь горцев в битве на р. Иори сильно преувеличены (от 1500 до 2000 только убитыми у Умахана, а у генерала Лазарева – всего 13 человек). Впоследствии такая практика завышения потерь противника станет обычной практикой кавказского командования, стремившегося зачастую в своих рапортах преувеличить масштабы, тяжесть и значение тех или иных военных операций. В случае таких потерь, «катастрофических» для горского ополчения, вряд ли Умахан смог бы планировать дальнейшие действия в январе 1801 года [23, с. 63] и собирать войска для новых походов.

В последующем новый аварский нуцал Султан-Ахмед-хан также ведет пророссийскую линию и в 1803 г. в торжественной обстановке, в присутствии общества и российского офицера, в столице ханства – Хунзахе – принимает подданство на условиях, с которыми уже согласились другие дагестанские феодалы. Эти условия соответствуют договору, заключенному в крепости Георгиевск в декабре 1802 года [19, с. 258].

Таким образом, пророссийская ориентация аварских владельцев в начале XIX века завершается принятием российского подданства, которое на тот исторический момент трудно назвать твердым и безоговорочным. Это подтвердили события в 1818 – 1820-е гг., когда Султан-Ахмед-хан Аварский и его союзники, пытаясь остановить процесс установления военно-административного контроля в Дагестане, оказали серьезное сопротивление генералу А. П. Ермолову и его системе покорения горцев. Очевидно, что при более продуманной

и привлекательной для горцев политике аварские владельцы вряд ли поднялись бы на борьбу с империей. Ведь еще в 80-х гг. XVIII века в период антироссийского движения под руководством шейха Мансура аварские правители, хорошо осознавая мощь и силу империи, отказались участвовать в этом военном конфликте.

Итак, Дагестан в рассматриваемый период не представлял собой единого государства. Это десятки союзов сельских обществ и феодальных владений, которые оказались в эпицентре геополитической борьбы между Ираном, Турцией и Россией.

Начинается активное наступление царизма, перешедшего от переговоров, союзов, заверений о дружбе сначала к вынуждению принятия подданства, а позже и к прямому урезыванию независимости феодалов Дагестана, лишению их возможности вести самостоятельную внешнюю политику. Попытки жестко и беспощадно подчинить их новым, имперским законам, которых там до того момента не было, не могли не вызвать у местных владельцев стремления сохранить независимость и влияние.

Таким образом, можно констатировать, что аварские нущалы, не отказываясь от традиционной политики «лавирирования» между крупными державами, борющимися за геополитический и экономический контроль над Кавказом, вполне осознанно и последовательно усиливали политические контакты с Российским государством, обоснованно видя в союзе с ним значительно большие исторические перспективы и преимущества для собственного народа.

Последующий ход событий, значительно осложненный возникновением движения горцев 20-50-х гг. XIX века, подтвердил правильный с исторической точки зрения и дальновидный пророссийский выбор хунзахских нущалов. Выбор, за который им пришлось заплатить дорогую цену, – истребление правящей династии в 1834 году восставшими горцами под руководством второго имама Гамзат-бека. Соответственно, произошла вынужденная политическая переориентация Аварского ханства, вошедшего в состав имамата Шамиля, на основе идеологических установок новых лидеров-имамов, возглавивших движение горцев 20-50-х гг. XIX века.

Список источников

1. Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII – первой четверти XIX века. М., 2014. 384 с.
2. Айтберов Т. М. Памятные записи из Сборника № 531 и др. // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С. 137-140.
3. Алибекова П. М. Жизнь и творческое наследие Дибир-кади из Хунзаха. Махачкала, 2009. 252 с.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 2. 621 с.
5. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. 392 с.
6. Гапуров М. А., Абдурахманов Д. Б., Израйлилов А. М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX века. Нальчик, 2008. 488 с.
7. Гасан-эфенди Алкадари. Асари-Дагестан. Махачкала, 2014. 234 с.
8. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX в. Махачкала, 1959. 785 с.
9. Дегоев В. В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. 374 с.
10. Дегоев В. В. История, опрокинутая в политику. Три досье «до востребования». М., 2015. 529 с.
11. Дегоев В. В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. 256 с.
12. Дегоев В. В. Приз для победителя. Международное соперничество на Кавказе в первой трети XIX в. М., 2013. 455 с.
13. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. III. 558 с.
14. Кикодзе Г. Ираклий Второй. Тбилиси, 1945. 144 с.
15. Материалы по истории Дагестана и Чечни 1801-1839. Махачкала, 1940. Т. III. Ч. I. 471 с.
16. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. 511 с.
17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 194.
18. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. 336 с.
19. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов. М., 1988. 357 с.
20. Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.
21. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. 244 с.
22. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. 338 с.
23. Хапизов Ш. М. Ума-нущал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нущальства второй половины XVIII в.). Махачкала, 2013. 216 с.

SOME ASPECTS OF POLITICAL RELATIONS OF THE AVAR KHANATE WITH THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

Omarov Abdulkadyr Isaevich, Doctor in History, Associate Professor
Dagestan State University, Makhachkala
levzerov@mail.ru

The article deals with the peculiarities and specificity of the relations of the influential feudal possession of Dagestan with the imperial authorities. The analysis of Umakhan the Great's policy, the search for and finding a common language and compromise with the major powers that tried to establish military-political control over the Caucasian region, illustrates the complexity of the task of including feudal rulers and unions of rural societies of the North Caucasus region into the orbit of influence and the citizenship system of the Russian Empire.

Key words and phrases: nutsal; empire; citizenship; policy; Caucasus; Dagestan; Russia; Iran; Turkey; fortress; treaty; diplomacy; administration; khan; control.